
ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 373.3+930

DOI: 10.17853/1994-5639-2021-2-170-198

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ В 1920-Е ГОДЫ

Л. Н. Аксенова¹, Л. В. Сокольская², А. С. Валентонис³, И. В. Щербинина⁴

*Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия.*

*E-mail: ¹aksyonova04@inbox.ru; ²cokol4512@yandex.ru;
³candydad7@gmail.com; ⁴ircha8099@mail.ru*

Аннотация. *Введение.* В эпоху формирования мирового образовательного пространства историко-педагогические исследования региональных систем образования приобретают особую актуальность. Многие государства, модернизируя национальные системы образования, обращаются к опыту прошлых поколений, для того чтобы понять, как социально-экономические изменения, происходящие в мире и стране, могут повлиять на систему образования конкретного региона. Двадцатые годы прошлого столетия в России – это время поиска новых типов школ, возможностей для воспитания и обучения подрастающего поколения в духе новой (советской) идеологии. Народы Южной Сибири (алтайцы, шорцы, кумандинцы, челканцы, телеуты, тубалары, теленгиты), объединенными в административно-территориальные рамки Ойротской автономной области и Горно-Шорского национального района, несмотря на трудности, были сделаны значительные успехи в развитии школьного образования, в том числе национальной школы.

Цели статьи – изучить особенности процесса становления и развития советской системы образования у коренных народов Южной Сибири в 1920-е годы.

Методология и методы. Основу исследования составило проанализированное и обобщенное в контексте системно-исторического подхода содержание архивных документов, научных источников по истории образования в Южной Сибири. Авторами статьи было изучено 35 документов из фондов Комитета по делам архивов Республики Алтай и Центра хранения архивных фондов Алтайского края. Введенные в научный оборот архивные документы позволили рассмотреть процесс увеличения количества национальных школ, обеспечения учащихся учебниками на родном языке, процесс подготовки педагогических кадров из коренного населения с учетом экономических и культурных особенностей региона.

Результаты и научная новизна. На основе изучения архивных материалов авторы статьи переосмысливают деятельность советских органов власти по восстановлению и созданию школьной сети образования, ее развитию и подготовке к введению всеобщего начального обучения для народов Южной Сибири. Вопрос создания национальной системы образования в 20-е годы XX века тесно связан с процессом коренизации как частью национальной политики советского государства и с процессом перевода местного населения к оседлости. К началу 1930-х годов в регионе была создана сеть школьных учреждений,

которая позволила повысить процент грамотных среди подростков и впоследствии охватить начальным образованием всех детей школьного возраста. Решение проблемы национального неравенства путем развития системы образования и ликвидация неграмотности в многонациональном регионе представляют несомненный интерес для историков образования, преподавателей и учителей.

Практическая значимость. Сегодня во всем мире возрос интерес исследователей к региональной истории, поэтому статья будет полезна читателям, т. к. анализ новых архивных документов помогает восполнить пробелы в научной литературе по вопросам становления советской школы у коренных народов Южной Сибири в 1920-е годы. Материалы статьи могут быть использованы преподавателями при разработке курсов по истории образования в России и историческому краеведению, а также могут найти применение при выстраивании современной региональной образовательной политики.

Ключевые слова: история образования, национальная школа, школы крестьянской молодежи, коренные народы, родной язык, школа первой ступени, отдел образования, учитель.

Благодарности. Авторы выражают искреннюю признательность всем информантам, оказавшим помощь в сборе материала для исследования, а также уважаемым рецензентам за внимательное отношение к статье.

Для цитирования: Аксенова Л. Н., Сокольская Л. В., Валентонис А. С., Щербинина И. В. Становление советской системы образования у коренных народов Южной Сибири в 1920-е годы // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 2. С. 170-198 DOI: 10.17853/1994-5639-2021-2-170-198

FORMATION OF THE SOVIET EDUCATION SYSTEM AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA IN THE 1920s

L. N. Aksenova¹, L. V. Sokolskaya², A. Valentonis³, I. V. Shcherbinina⁴

State Humanitarian and Technological University, Orekhovo-Zuevo, Russia.

E-mail: ¹aksyonova04@inbox.ru; ²cokol4512@yandex.ru;

³candydad7@gmail.com; ⁴ircha8099@mail.ru

Abstract. Introduction. In the era of the formation of the world educational space, historical and pedagogical studies of regional education systems acquire special relevance. Many states, while modernising their national education systems, turn to the experience of past generations in order to understand how socio-economic changes taking place around the world and in Russia can affect the education system of a particular region. The twenties of the last century in Russia is a time of searching for new types of schools, opportunities for educating and teaching the younger generation in the spirit of the new (Soviet) ideology. The peoples of South Siberia (Altai, Shors, Kumandins, Chelkans, Teleuts, Tubalars, Telengits), united in the administrative-territorial framework of the Oiroi Autonomous Region and the Gorno-Shor Na-

tional Region, despite the difficulties, made a significant progress in the development of school education, including the number of the national school.

The *aim* of the present article was to study the peculiarities of the process of formation and development of the Soviet education system among the indigenous peoples of Southern Siberia in the 1920s.

Methodology and research methods. The research is based on the analysed and generalised content of archival documents, scientific sources on the history of the formation of the peoples of Southern Siberia in the context of the system-historical approach. The authors of the article studied 35 documents from the funds of the Committee for Archives of the Altai Republic and the Center for the Storage of Archives of the Altai Territory. The archival documents introduced into scientific circulation made it possible to consider the process of increasing the number of national schools, providing students with textbooks in their native language, the process of training teachers from the indigenous population, taking into account the national and cultural characteristics of the region.

Results and scientific novelty. Based on the study of archival materials, the authors of the article rethink the activities of the Soviet authorities to restore and create the school network of education, its development and preparation for the introduction of universal primary education among the peoples of Southern Siberia. The issue of creating a national education system in the 1920s is closely connected with the process of indigenisation, as part of the national policy of the Soviet state and with the process of transferring the local population to settled life. By the beginning of the 1930s, a network of school institutions was created in the region, which increased the percentage of literate adolescents and subsequently enrolled in primary education all children of school age. Addressing national inequalities through the development of the education system and the eradication of illiteracy in the multinational region is of undeniable interest to educational historians and teachers.

Practical significance. Today, the interest of researchers in regional history has increased all over the world; therefore, the current article will be useful to readers, as the analysis of new archival documents helps to fill the gaps in the scientific literature on the establishment of the Soviet school among the indigenous peoples of southern Siberia in the 1920s. The materials of the article can be used by teachers to design the courses on the history of education in Russia and the historical study of local lore. Moreover, the presented materials can be applied in the course of the development of a modern regional educational policy.

Keywords: history of education, national school, peasant youth schools, indigenous peoples, mother tongue, first-level school, education department, teacher.

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to all informants, who helped in collecting material for the study, as well as to distinguished reviewers for their attentive attitude to the article.

For citation: Aksenova L. N., Sokolskaya L. V., Valentonis A., Shcherbinina I. V. Formation of the Soviet education system among the indigenous peoples of Southern Siberia in the 1920s. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (2): 170–198. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-2-170-198

Введение

Формирование единого европейского образовательного пространства обусловило реформирование национальных систем образования стран-участниц с учетом национальных традиций их собственных образовательных систем. Российская Федерация после подписания Болонской декларации официально вступила в образовательное пространство Европы и приступила к разработке новой стратегии развития национальной системы образования с учетом социокультурных факторов и исторического опыта. Для того чтобы понять, как социально-экономические изменения, происходящие сегодня в мире и стране, влияют на систему общего образования, необходимо исследовать особенности развития национального образования в конкретный исторический период и на определенной территории. Поэтому неслучайно предметом данного историко-педагогического исследования выступает система образования коренных народов Южной Сибири в 1920-е гг. Нынешние социально-экономические преобразования изменяют цели, ценности, содержание и облик современной школы, что напоминает 20-е годы прошлого века, которые также были связаны с кардинальными социально-экономическими и политическими трансформациями в жизни российского общества.

Все народы СССР в обозначенный период, подвергаясь тектоническим переменам, обретали новую идентичность – советскую, в которой русский язык и культура играли интегрирующую роль [1]. В связи с колоссальными экономическими (начало форсированной индустриализации сопровождалось перемещением крестьян в города), социальными (ликвидация ряда «эксплуататорских» классов) и культурными (распространение грамотности и антирелигиозной идеологии) процессами менялись многие социокультурные характеристики всего населения: бытовой уклад, внутрисемейные отношения, трудовые мотивации, отношение к религии и др. Данные грандиозные перемены определили вектор развития всей системы образования [2].

Процесс формирования системы образования народов Южной Сибири (алтайцы, шорцы, кумандинцы, челканцы, телеуты, тубалары, теленгиты) начался в дореволюционный период в результате деятельности Алтайской духовной миссии. Главной задачей миссии было привитие населению идей христианства, поэтому в регионе преобладали церковно-приходские школы и школы грамоты. С установлением советской власти на территории Южной Сибири происходит и изменение системы народного образования.

Целью данного исследования является выявление особенностей становления советской системы образования у коренных народов Южной Сибири в 1920–30-е гг., а также определение ценности и полезности данного исторического опыта для модернизации национальных школ на современ-

ном этапе. По мнению авторов, осмысление самоценности отечественной системы образования, анализ исторических фактов ее возникновения, учет условий, тенденций и национальных особенностей ее развития, несомненно, будут способствовать совершенствованию современной системы российского образования.

Проанализировав содержание архивных документов, научных источников по истории образования народов Южной Сибири в 1920-е годы, авторы статьи сформулировали рабочую гипотезу исследования. Согласно ей, объективно существующие специфические особенности Южно-Сибирского региона, обусловленные природно-климатическими, экономическими, культурно-историческими, этно-национальными и другими факторами, определенным образом повлияли не только на внешнюю структуру организации школьного образования, но и на внутреннее содержание и решение конкретных педагогических проблем того времени. В этот период советская власть стремилась подчеркнуть свою заботу о сохранении национальных школ, коренного языка и развитии национальной культуры малочисленных народов [3]. В 1920-е годы в силу природно-географических, культурных традиций создавались и функционировали в основном школы первой степени. Процессы коренизации¹ и перевода местного населения на оседлость сказались на результатах решения вопроса обучения детей и взрослых региона. К началу 1930-х годов в регионе была создана сеть школьных учреждений, которая позволила повысить процент грамотных среди подростков и впоследствии охватить начальным образованием всех детей школьного возраста. Учет разнообразия и неповторимости национальных культур и различие типов национальных школ, их специфических особенностей стало положительным моментом в национальной образовательной политике молодого Советского государства в 1920-е годы.

Обзор литературы

В последние годы общие вопросы образования и перехода к всеобщему обучению коренных народов Сибири эпизодически освещаются в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, А. А. Валитов раскрывает образовательную деятельность православной церкви в Сибири [4], С. В. Голикова

¹ Коренизация – политическая и культурная кампания советской власти в национальном вопросе в 1920-е и начале 1930-х годов, призванная сгладить противоречия между центральной властью и населением национальных республик СССР. Коренизация выражалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей национальных меньшинств, создании национально-территориальных автономий, внедрении языков национальных меньшинств в делопроизводство, в образование, поощрении издания СМИ на местных языках. См.: Википедия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Коренизация> (дата обращения: 12.09.2019).

изучает сотрудничество министерства народного просвещения и органов местного самоуправления [5], а Л. Н. Аксенова затрагивает вопросы роли населения в развитии школьного образования на Алтае в начале XX века [6].

В зарубежной литературе данный период становления советской системы образования исследуется в общем контексте насильственной советизации национальных школ в России. Например, Д. Дешеппер и М. Касер, изучая советские стратегии образования в историческом контексте, приходят к выводу об их насильственной природе [7, 8]. В. Каплан и А. Стапф подчеркивают, что большевистская политика в отношении подготовки советских учителей привела к политизации школьного образования [9, 10]. По мнению Э. Байфорда и П. Джонс, переход к советскому образованию полностью завершился к концу сталинизма [11]. Как утверждает Д. Смит, в эпоху сталинизма советской властью не проводилась национальная политика в интересах коренного населения [12–14]. Эту идею разделяли в конце прошлого века Д. А. Бартельс и Э. А. Бартельс [15]. Однако позднее, при исследовании системы образования коренного населения Сибири, они признали, что идеология холодной войны искажала представления западных ученых о советской политике в отношении северных народов России [16]. Нам понятна точка зрения В. К. Доллманна, который предположил, что в первые годы становления советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке шла конкуренция между различными политическими взглядами на развитие коренного населения: ленинская политика предусматривала развитие северных народов в соответствии с их культурными традициями, а сталинская политика была направлена на ликвидацию этнических различий и интеграцию всех национальных групп в единое советское общество [17]. Однако далее В. К. Доллманн формулирует ошибочный вывод, согласно которому сталинская политика победила в конце 1920-х годов и это повлияло на сокращение национальных школ в данном регионе. Необходимо уточнить, что сокращение национальных школ в исследуемом регионе произошло в 1960-х годах после принятия 24 декабря 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», который положил начало школьной реформе. Проблема советизации национальных школ более подробно исследуется в работах Т. Юинга, который, изучая развитие национальных школ в России, приходит к выводу о том, что сталинизм в целом старался стереть этнические различия путем формирования общей, интернациональной (по факту советской) культуры [18–19].

Таким образом, проанализировав иностранную литературу, посвященную становлению и развитию советской системы образования в первые десятилетия XX века, авторы данной статьи приходят к выводу, что по этой тематике в зарубежных изданиях публикации фактически отсутствуют. По-

этому данная статья будет интересна читателю, т. к. на основе анализа новых архивных документов она восполняет информацию в научной зарубежной литературе, раскрывает особенности формирования советской системы образования на территории Южной Сибири в 1920-х годах.

В советской научной литературе первые обобщающие сведения о развитии региона в 1920-е годы, в том числе и образования, появились в начале 1930-х годов. Авторами этих работ были партийные и советские руководители. Исходя из тезиса «прошлое Ойротии неприглядно», они старались подчеркнуть достижения области за прошедшее десятилетие [20–22]. Последующие публикации в целом ограничивались лишь оценкой образовательной политики, в них не уделялось должного внимания проблемам национальных школ [23–24]. Обобщающие работы по истории школьного образования появились в 1960–1980 годы, но вопросы образования народов Южной Сибири не были освещены в них [25].

Среди малочисленных публикаций по истории образования Горного Алтая необходимо выделить работы под руководством профессора Ф. Ф. Шамахова, который положил начало систематическому исследованию проблем истории народного образования в Западной Сибири конца XIX – начала XX века. Он разработал вопросы методологии и историографии, связанные со становлением и развитием общеобразовательных школ региона. В его работах фактический (архивный) материал по истории развития образования в Ойротской (позднее – Горно-Алтайской) автономной области был изучен в рамках общего процесса развития образования советской Сибири [26–28].

В этот период закладываются основы школы сибирских историков образования, которые в своих исследованиях подчеркивали, что результатом влияния школьных партийных организаций на многогранную деятельность педагогических коллективов, учащихся, родителей и общественности являются высокие достижения региона в системе общего образования [29, с. 113–116]. Главным и объяснимым недостатком научных исследований советского периода являлся идеологический заказ науке, диктующий и объясняющий недосказанность, замалчивание некоторых сторон деятельности учебных заведений.

Идеологический (партийный) подход к освещению проблем народного образования в СССР был преодолен только в период перестройки. Попытка объективно оценить результаты формирования советской системы образования в регионе, выявить негативные последствия деятельности советских органов власти была сделана в середине 1990-х годов. Например, в работе А. П. Беликовой были обобщены результаты исследования народного образования [30], М. Ю. Ключникова изучила начальный этап подготовки учителей в регионе через учительские курсы [31], монография Н. И. Кудирмековой по-

священа развитию национального образования у алтайцев, совершенствованию структуры и содержания национальных школ [32].

Особенно интересная работа, по мнению авторов статьи, была проделана бывшим заведующим областным отделом образования Н. Ф. Копытовым [33, с. 39]. Ценность этой работы заключается в том, что автору удалось собрать и обобщить устные сведения работников отдела образования того времени, представить списки руководителей отдела образования области начиная с 1920-х годов.

В последнее десятилетие появились работы, в которых раскрываются этнокультурные процессы коренных народов Южной Сибири, а в частности изучается становление системы советского образования [34–35]. Анализ трудов вышеперечисленных авторов позволяет сформулировать вывод о том, что в настоящее время существуют теоретические предпосылки для изучения историко-педагогических условий становления и развития советской школы в Южной Сибири. Вместе с тем приходится констатировать, что в настоящее время в историко-педагогической литературе нет единого комплексного исследовательского подхода к изучению феномена зарождения и становления советской школы в 1920–30-е годы среди коренного населения юга Сибири. Это противоречие особо остро стоит сегодня, когда национальная школа, обеспечивая право коренных народов на культурно-образовательное развитие, проходит этап модернизации. Отсутствие таких исследований сдерживает и затрудняет преобразования в общеобразовательных школах в интересах модернизации региональной и общероссийской систем образования.

На основании вышеизложенного сформулируем вывод о том, что для изучения советского образования в регионе собран и обобщен значительный архивный материал по материальной базе учебных заведений, вопросам подготовки кадров, организации и совершенствования обучения. Однако до сих пор нет системного изложения процесса становления образования в регионе в первое десятилетие советской власти, не выявлены особенности развития школьного дела и подготовки педагогических кадров, не рассмотрен вопрос о влиянии политических и экономических преобразований на систему народного образования.

Методология, методы и методики

Теоретический анализ вышеперечисленных работ позволил авторам статьи сделать вывод, что история становления и развития советской системы образования в регионе в 1920-е годы представлена обобщенно. Поэтому необходимо изучение и введение в научный оборот новых архивных документов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений в данный период.

Сегодня в сибирских архивах хранится огромное количество документальных источников, требующих нового прочтения исследователями с учетом современных научных представлений о происходивших исторических процессах, с новым взглядом на их ценность с позиции современной модернизации отечественного образования. Основные документы по истории образования хранятся в Комитете по делам архивов Республики Алтай (далее – КПДА РА) – Ф. Р-55 (отдел народного образования Горно-Алтайского облисполкома)¹ и в Центре хранения архивных фондов Алтайского края – Ф. Р-573 (отдел народного образования исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся).

Для выявления условий становления и развития советской системы образования среди коренного населения южной Сибири применялись историко-ретроспективный метод, метод анализа статистических данных и научных источников, что позволило авторам статьи рассмотреть динамику организационно-педагогического процесса формирования советской школы в регионе. Авторами было проанализировано в контексте системно-исторического подхода содержание 35 архивных документов за 1920-е годы из фондов Комитета по делам архивов Республики Алтай и Центра хранения архивных фондов Алтайского края. Полученные сведения были обобщены и сопоставлены с опубликованными материалами, в результате чего выстроилась логическая цепочка событий в истории становления системы советского образования у народов Южной Сибири. Таким образом, удалось достаточно полно описать ситуацию перехода к всеобщему образованию населения данного региона и выявить ее особенности.

Результаты исследования

Главным результатом представленной работы является восстановление последовательности исторических событий в процессе создания системы советского образования у коренных народов Южной Сибири и выявление региональных особенностей этого процесса.

Изменение политического строя в стране привело к кардинальным преобразованиям во всех сферах жизни населения. Большое внимание уделялось становлению и развитию системы народного образования, основанной на принципах единой, трудовой, светской школы, ее связи с жизнью. Главная задача политики советского государства в отношении национальных окраин в сфере образования заключалась, прежде всего, в том, чтобы обеспечить быстрое расширение сети школ и обучение детей на родном языке.

¹ Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 1. Оп. 1; Ф. 55. Оп. 1., Оп. 7; Ф. 1160. Оп. 2.

ке. В постановлении Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпроса) РСФСР «О школах национальных меньшинств» указывалось, что «все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе»¹. При Наркомпросе был создан специальный отдел просвещения национальных меньшинств. В задачу отдела входило руководство работой национальных школ, их строительством, подготовкой учителей и изданием учебников. В 1920 году Сибирским бюро (далее – Сиббюро) ЦК РКП (б) и Сибирским революционным комитетом был организован Сибирский отдел народного образования. Школа становится одним из основных инструментов формирования советского человека и укоренения государственной идеологии в массовом сознании учащихся.

Исходя из целей и задач, стоявших перед страной, можно выделить следующие этапы развития школьной системы образования у народов Южной Сибири:

I. 1920–1925 годы – восстановление материальной базы школ, открытие новых учебных заведений, подготовка педагогических кадров на учительских краткосрочных курсах. Большое значение имело образование автономий – Горно-Алтайской автономной области (1922 год) и Горно-Шорского национального района (1925 год).

II. 1925–1930 годы – подготовка к введению всеобщего начального образования в регионе. На данном этапе в регионе решалась задача о переводе коренного населения на оседлость, для этого создавались колхозы и совхозы. В условиях полукочевого образа жизни требовалась постройка целых селений. В регионе была начата подготовка учителей национальных школ в Горно-Алтайском педагогическом техникуме (1928 год).

Каждый из этих этапов имел свои характерные черты, в основе которых лежали социально-экономические, культурные и природно-географические особенности региона.

После окончания военных действий на территории Алтая были образованы органы управления. 12 марта 1920 года коллегия Бийского отдела народного образования по бывшему Каракорумскому уезду утвердила штат служащих отдела народного образования. В марте того же года Горно-Алтайское уездное организационное бюро РКП (б) утвердило состав уездного отдела народного образования. В уезде было создано 6 районных отделов народного образования, назначены заведующие районо и школьные инспекторы.

Для учета национальной специфики Горного Алтая в структуре отдела народного образования был создан подотдел просвещения национальных

¹Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1942. С. 1101–1102.

меньшинств во главе с И. С. Алагызовым. В соответствии с Положением ВЦИК местные органы народного образования создавали бесплатную и обязательную школу, структурно единую и доступную для всех. Отделами народного образования Горного Алтая совместно с местными органами власти был проведен учет детей школьного возраста, особенно из необеспеченных семей, обследовано состояние школ, определены характер и размер средств, требуемых для их ремонта. Проводилась работа по открытию новых школ в ряде волостей Горного Алтая и Шории. Улалинский отдел народного образования, как свидетельствуют протоколы коллегии, большое внимание уделял решению вопроса обеспечения школ учительскими кадрами, которых всегда не хватало в регионе в связи с переходом педагогов в исполнительные органы власти для решения вопроса коренизации.

В 1920/1921 учебном году на территории Горного Алтая действовало 115 школ начального обучения, из них 25 алтайских, 46 смешанных, 3 школы относились к заведениям второй ступени (села Улаала, Алтайское, Чемал) [24].

22 марта 1921 года состоялось первое совещание представителей национальных районов Сибири, подготовленное Сиббюро ЦК РКП (б) совместно с подотделом национальных меньшинств Сибирского отдела народного образования (далее – Сибано). На совещании обсуждался вопрос о состоянии образования малых народов Сибири, рассматривались проблемы открытия школ I и II ступени, обеспечения их учебниками и учебными принадлежностями, преподавания в этих школах на родном языке. В Горном Алтае, Шории из-за отсутствия средств, проживания населения в небольших селениях (дьуртах, аилах) создавались в основном школы I ступени обучения. Плотность населения составляла примерно 0,9–1 человек на квадратный километр. Малочисленность населения двух национальностей, проживающих в населенных пунктах, привела к созданию смешанных школ. Преподавание в этих школах велось на родном языке учащихся.

Начавшиеся преобразования были прерваны в конце 1921 года из-за борьбы советской власти с противостоявшими ей вооруженными объединениями. Военные действия привели к новым разрушениям на территории уезда. Первая областная партийная конференция Горно-Алтайской автономной области (февраль 1923 года) констатировала сложную ситуацию в системе образования. Количество школ в некоторых районах, например в Уймонском, сократилось наполовину, а в других были закрыты все школы (например, в Улаганском). К концу 1922/1923 учебного года в уезде осталось 56 школ.

На количество школ в регионе также повлияла новая экономическая политика правительства, направленная на режим экономии в сфере просвещения. Центральное ассигнование сферы образования в уезде было со-

кращено. Первый Всероссийский съезд заведующих губернским отделом образования (1921 год) вынес решение о необходимости использовать в качестве временной меры всевозможные формы общественной и частной инициативы в сфере обучения.

Первое совещание председателей волостных исполкомов (далее – вол-исполкомов) и волостных революционных комитетов Горно-Алтайского уезда, проходившее 2–4 марта 1922 года, поручило волисполкомам изыскать средства на приобретение учебных пособий, письменных принадлежностей и снабжение продуктами учительского персонала. Волисполкомы также должны были оказывать содействие в возделывании школьных полей. Для поддержания народного образования предлагалось создание культурно-просветительских обществ, хозяйственных школьных советов¹.

Учреждения образования в целях оказания им помощи прикреплялись к промышленным, кооперативным и прочим хозяйственным предприятиям. Отделом народного образования автономной области был разработан и отпечатан типовой договор с сельскими обществами о содержании школы.

Невзирая на принятые меры, по всей Южной Сибири происходило сокращение численности школ и учащихся. Если в 1920/1921 учебном году в регионе действовало 4 973 школы с числом учащихся 346 300 человек, то в 1922/1923 учебном году насчитывалось уже 2 832 школы, в которых занимались всего лишь 179 306 человек. Положение начало улучшаться с середины 1920-х годов. Однако уровень охвата школой детей школьного возраста в Сибири был ниже, чем в целом по РСФСР в 1925–1926 годы. Он составил 36,6 % общего числа детей школьного возраста (8–17 лет), тогда как по РСФСР – 64,4 %.

В 1923 году в школьную сеть области входило 70 учебных учреждений (в 1917 году их было 92), из которых только одно соответствовало II ступени, к этой же ступени относили и школу-коммуну. Общее количество учащихся – 4 343 ученика. При 10 школах были интернаты, в которых проживало 363 воспитанника, из них 260 алтайцев. Беспризорных детей в области насчитывалось 1 300 человек². Обучение в сельских школах было бесплатное. Плату за учебники и канцелярские принадлежности вводили только в школах села Улала. Часть учащихся из бедных семей по решению специально созданной комиссии освобождалась от платы за пользование учебниками в этих школах.

Учитывая тяжелое положение в народном образовании автономной области, неоднократные обращения руководства с просьбами об оказании

¹ Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 1160. Оп. 2. Д. 136. Л. 7. Оно – отдел народного образования (прим. авторов).

² КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 316. Л. 40–41.

помощи, Наркомпрос в 1923 году выделил Горному Алтаю средства в размере 640 94 рублей [23, с. 93]. Для улучшения состояния образования в регионе областная партийная конференция приняла постановление о закреплении за областным отделом народного образования (далее – облоно) не менее одной третьей части местных средств, «...представляя их своевременно и полностью в распоряжение оно»¹.

В середине 1920-х годов 75 % школ области помещались в непригодных зданиях, не отвечавших требованиям гигиены, 50 % школ нуждались в мелком и капитальном ремонте. В школах часто не хватало дров. В 1924/1925 учебном году на школьное строительство было отпущено 3 966 руб. Эти средства позволили провести только мелкий частичный ремонт².

И хотя местные органы власти прилагали немалые усилия для развития школьной сети, охвата детей школьного возраста обучением, многие проблемы так и не были решены, а правительство ставило новые задачи. Уже в августе 1923 года СНК постановил, что в целях развития дела народного образования в РСФСР необходимо немедленно приступить к разработке плана введения всеобщего обучения в десятилетний срок³. Наркомпросом РСФСР 5 февраля 1925 года были даны на места подробные указания о составлении примерных планов осуществления всеобщего обучения в каждом районе. В этом же году в области начали разработку плана школьной сети.

Для подготовки введения всеобщего начального образования областными органами были созданы аймачные комиссии, руководство ими осуществляла специально созданная областная комиссия по введению всеобщего обучения. К учету детей и обследованию школьных зданий в области приступили в июле 1926 года. К декабрю 1927 года комиссия разработала план развертывания сети школ в области, учитывая местные условия и возможности. По плану предполагалось увеличение школьной сети на 51 школьный комплект. Из них 19 расширялись, а 32 открывались вновь. Это должны были быть 15 алтайских, 7 русских и 10 смешанных комплектов. Такой подход комиссия обосновывала исходя из финансовых возможностей и плана строительства школ в 1926/1927 учебном году, но президиумом облисполкома такой принцип построения сети школ был отвергнут⁴. Тогда на основании постановления президиума исполкома и резолюции пленума обкома ВКП (б) было решено опираться на данные о численности населения области по переписи 1926 года и на принцип подтягивания наиболее отсталых национальных аймаков.

¹ КПДА РА. Ф. 55. Оп. 1. Л. 1.20.

² КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 316. Л. 39.

³ Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. Москва, 1974. С. 105.

⁴ КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 434. Л. 13–14.

Однако бюджетная комиссия в Сибирском центре сократила планируемые комплекты с 51 до 29. По мнению бюджетной комиссии, в Ойротии не учли реальные финансовые и экономические возможности области. По плану предполагалось в первую очередь развитие школьной сети в национальных аймаках, население которых вело кочевой образ жизни. Школьные здания в этих районах необходимо было строить, что требовало значительных средств. Облоно были приняты ответные меры – сокращено 8 русских и 4 алтайских комплекта к началу 1927/1928 учебного года. Дальнейшее сокращение средств на образование области предполагалось за счет уменьшения комплектов русских школ.

Анализ данных свидетельствует о росте бюджетных ассигнований на образование в регионе: с 1922/1923 учебного года по 1928/1929 учебный год почти в шесть раз. Удельный вес выделяемых средств на образование в областном бюджете в эти годы вырос в 4 раза.

Увеличение ассигнований на образование вело к численному росту в первую очередь национальных школ. Большинство национальных школ были передвижными. С переводом коренного населения на оседлость во вновь образованном селении приступали к строительству здания школы. Если в 1924/1925 учебном году был произведен только частичный ремонт школ области, то в 1925/1926 учебном году было построено 9 новых зданий¹. Средства, отпускаемые на строительство школ, не всегда тратились целесообразно. Здания школ сооружали недостаточно качественно, поэтому они быстро устаревали, забрасывались и необходимо было возводить новые. Областные власти поднимали вопрос о строительстве школьных зданий по типовым проектам.

Необходимо учитывать и другие факторы, которые влияли на решение поставленных задач. Во-первых, в 1925–1937 годах алтайский и шорский языки перевели на латиницу, что потребовало подготовки новых кадров и учебников. Во-вторых, в области начался процесс перевода коренного населения на оседлость, для этого нужны были значительные средства, а также планирование и строительство селений.

Трудности в развитии национальной школы были вызваны не только экономической и политической отсталостью региона, но и образом жизни населения. Переписью 1926 года были учтены 121 село и деревня, 171 поселок, 2020 заимок и хуторов, 58 аилов (мелких оседлых селений), 15 выселков, 341 урочище, 15 прочих поселений, в т. ч. 6 приисков, 5 кордонов, а всего 923 населенных пункта. В целом по Горному Алтаю в мелких поселениях – дьуртах, аилах, зимниках, хуторах, мелких поселках и деревнях (80 %

¹ КПА РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

всех селений) – проживало около 40 % населения; в средних поселках, деревнях и аилах (17 % селений) – 32 %, в крупных селах (3 % селений) проживало 26 % населения. Размеры крупных сел, за исключением Улалы, колебались от 1 до 1,5 тыс. жителей. Алтайское население преимущественно проживало в мелких и средних селениях [36, с. 105–106]. Поэтому большое значение в регионе имели интернаты: в них проживали дети из отдаленных селений и урочищ, родители которых вели кочевой и полукочевой образ жизни.

Интернаты сыграли большую роль в становлении системы образования Горного Алтая. О необходимости организации интернатов при школах для коренных народов Сибири говорили участники совещания заведующих губернским советом по просвещению национальных меньшинств в мае 1925 года. В интернатах дети содержались на полном государственном обеспечении. Сеть школ-интернатов непрерывно росла. Если в 1923/1924 учебном году их было 10 (из них 6 алтайских, 3 смешанных и 1 русская), то в 1928/1929 учебном году их было уже 19, в них проживало 520 учащихся.

Главными проблемами интернатов являлись неприспособленность зданий к проживанию детей, неудовлетворительное оборудование, недостаточное снабжение обмундированием, одеждой, обувью, полное отсутствие воспитательного персонала, задержка в выдаче средств на содержание воспитанников. Недостаток средств вынуждал руководителей школ искать пути удешевления детского питания. При школах создавались участки и небольшие фермы, на которых выращивали злаковые и овощи, разводили животных.

Чтобы сократить отсев детей, местными органами власти были организованы ночлежки и горячее питание, подвоз учеников, но это было не во всех районах и школах. Особое внимание уделялось детям из бедных семей и семей батраков, которые не имели одежды и обуви для посещения школы. В 1926/1927 учебном году были открыты ночлежки при 15 школах (12 алтайских и 3 русских), обслуживавшие от 10 до 15 детей каждая¹. Для оказания помощи детям бедняков и батраков облисполком выделил 20 000 руб., 7 000 руб. поступило от кооперативных организаций области. Сбор средств и добровольных пожертвований населения в местные школьные фонды не приносил желаемых результатов. Фонды пополнялись в основном из средств областных органов власти и отчислений местных организаций. Школьные советы, по мнению советских органов власти, прилагали недостаточно усилий по привлечению средств. Основными причинами были непонимание родителями значения образования для детей и низкий уровень доходов населения области. Основным занятием жителей региона было отгонное животноводство, когда скот круглый год находился на подножном корме. Пе-

¹ КПА РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 399. Л. 142.

ревод алтайцев на оседлость требовал нового отношения к хозяйству, а для этого были нужны подготовленные кадры.

Кадры для сельского хозяйства области должны были готовить школы крестьянской молодежи (далее – ШКМ). Школы крестьянской, затем колхозной молодежи – это учебные заведения для сельской молодежи на базе программы общеобразовательной школы-семилетки с практическим сельскохозяйственным уклоном.

По решению областного комитета ВКП (б) и облисполкома первая ШКМ была создана в 1926/1927 учебном году в селе Онгудай. В первый год работы школы было принято 19 слушателей в возрасте от 15 до 22 лет. В школе было четыре группы: одна подготовительная и три основных. Все учащиеся первого года обучения были зачислены в подготовительную группу. В Онгудайской ШКМ основное внимание уделяли вопросам животноводства.

В 1929/1930 учебном году были открыты ШКМ в селах Успенка, Усть-Кан, Уймон. Наибольшее число обучающихся было в ШКМ сел Чемаала и Онгудай. В этих школах обучалось 28,4 % алтайцев от числа всех учащихся. При наборе учащихся в ШКМ учитывался классовый принцип. Национальную специфику данного типа школы определяло изучение родного языка (4–5 часов в неделю) и истории своего народа (в рамках часов по истории). Сельскохозяйственный уклон школ был представлен в учебном плане дисциплинами «Производственное обучение сельскому хозяйству» (2–3 часа в неделю), «Основы сельского хозяйства» (4–5 часов), «Работа в мастерских» (4 часа) и др.

Для производственной работы школ создавалась материальная база, выделялись скот, посевные площади и сельскохозяйственный инвентарь. В школах открывались столярные, деревообделочные, сапожные, слесарно-кузнечные мастерские. Ограниченность средств, отпускаемых из местного бюджета, отсутствие материальной помощи со стороны местных хозяйственных и кооперативных организаций привели к тому, что ШКМ находились в тяжелых условиях: учебные помещения не были оборудованы, классы и общежития находились в антисанитарном состоянии, стипендиаты плохо снабжались продуктами. На питание 1 слушателя в месяц было выделено 7 руб. 50 коп. Для покупки учащимся обуви и одежды не хватало средств.

К началу 1930-х годов система общего образования Горного Алтая состояла из следующих типов школ: школы I ступени; школы II ступени; школы-семилетки; школы-девятилетки; школы крестьянской молодежи; школы-коммуны; учреждения школьного типа (пункты по ликвидации безграмотности, школы для малограмотных, школы для взрослых повышенного типа); учреждения партпросвещения. В регионе действовали 155 школ, из которых 57 школ были национальными, 33 – смешанными. 53,6 % детей алтайцев и шорцев посещали школу. При этом посещаемость школы детьми

коренных народов Южной Сибири оставалась одной из проблем региона, основными причинами которой являлись культурная и хозяйственная отсталость населения и его разбросанность по урочищам. В области были школы, в которых в течение учебного года было не более 9–10 человек. В среднем в национальных школах обучалось 18–20 человек.

Учебный год был непродолжительным, он обычно начинался в конце октября и заканчивался в апреле – начале мая. Осенью учащиеся помогали родителям на промыслах, выполняли работу по дому (заготовка дров, уход за скотом). Весной при перекочевке на летники алтайцы уезжали далеко от школы, и ребенок вынужден был завершать обучение раньше срока.

В 1928 году в Ойротской автономной области охват детей обучением отставал от среднесибирского показателя на 11,9 %. Недостаточное количество помещений, несвоевременное составление смет строительства зданий школ и заявок на стройматериалы – основные причины, которые способствовали медленному росту числа образовательных учреждений области. Органам образования и общественным организациям не удалось изменить отношение родителей к образованию: те не желали отдавать детей в школы и таким образом лишаться работника.

Основным направлением развития школьной системы в 1920-е годы было стремление центральных и местных органов власти вовлечь в школы как можно большее число детей трудящихся. Это выразилось в количественных показателях роста сети учебных заведений, что при слабости материально-технической базы образования без учета реальных возможностей уезда, а потом области неизбежно приводило к снижению качества получаемых знаний. Перед органами образования автономной области стояли большие задачи в деле развития и совершенствования существовавшей системы просвещения, ее подтягивания до общероссийского уровня.

Реализация задач национальной политики советского государства, одной из которых являлось обучение коренных народов на родном языке, предполагала создание учебников и учебной литературы на национальных языках. Уже в марте 1920 года была организована комиссия по составлению учебников на алтайском языке для школ I ступени. В ее состав вошли А. П. Пояркин, Г. М. Токмашов и учитель Сайдысской школы Н. И. Уксегешев.

В ноябре 1920 года заведующий подотделом национальных меньшинств С. С. Борисов был командирован в Омск, в Сибирский отдел народного образования, для выяснения вопроса о возможности печатания литературы на алтайском языке. В Барнауле и Томске, где до революции печаталась литература на алтайском языке, он должен был собрать шрифты.

Первыми учебниками в алтайских школах были следующие: азбука «Ак Чолмон», которую составил алтаец С. Б. Иркин-Обыс, букварь Н. А. Каланак-

ва и первая книга для чтения «Ойрот школа» М. В. Эдокова. Учебниками по арифметике служили задачник директора реального училища Г. Вишневского для первых групп и задачник Ф. С. Тозыякова для вторых групп. [37, с. 7]

В 1928 году, как отмечается в отчетах, преподавание в национальных школах велось на алтайском языке. Учебников по алтайскому языку не хватало. Букварь «Алтай дын» был составлен по звуковому методу. Первая книга для чтения не соответствовала требованиям программы Государственного ученого совета Наркомата народного просвещения РСФСР (далее – ГУС). Задачник имелся только для первого года обучения¹.

В 1929 году в связи с переходом в течение 3 лет на латинизированный алфавит облоно был разработан план по изданию национальной литературы. Основное внимание обращалось не на составление новых учебников, а на издание их на новом алфавите.

В 1931 году в Новосибирске начало работать краевое национальное издательство, перед которым была поставлена задача издавать учебники и учебные пособия на языках малых народов. К началу 1930-х годов алтайцы получили учебники на родном языке, отпечатанные латинским шрифтом.

В 1923/1924 учебном году в стране ввели обучение по комплексным программам, предметная система обучения была отменена. По мнению Н. И. Кудирмековой, «комплексная система обучения» не коснулась национальной школы. Прежде всего, из-за низкой профессиональной подготовки учителей. Педагогам не хватало знаний для интеграции содержания учебных дисциплин, их связи с общественно-политическими, народно-хозяйственными особенностями региона. Комплексные программы оказались сложными и для учащихся. Поэтому в школах использовалась старая (предметная) система обучения.

С целью упорядочения школьного обучения Центральный Совет по просвещению национальных меньшинств НКП РСФСР в 1927 году разработал для национальных школ новый вариант программ ГУСа. Эти комплексные программы послужили основой для разработки Ойротского варианта, подготовленного в октябре 1928 года учителем Н. А. Каланаковым для рассмотрения и утверждения в методическом совете Сибирского крайоно.

В программах учитывались специфические условия функционирования алтайской школы. В программу по естествознанию для школ I ступени включили вопросы гигиены, что было особенно важно для населения Ойротии. Программой предусматривалась практическая работа – устройство сточных канав для талых вод, охрана воды и пищи от мух, уход за больными детьми, профилактика здоровья. Программа содержала также материал по овладению агрономическими знаниями: рекомендовалось изучение состава почвы, воды, мер борьбы с засухой, ведения севооборота и т. п.

¹ КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 550. Л. 4.

Школа не могла функционировать без педагога. Главной задачей стала подготовка и воспитание такого учительского контингента, который по своему происхождению, политической благонадежности способен был стать проводником партийной линии, особенно в деревне. Новый кадровый состав в основном формировался системой краткосрочных курсов, что вполне отвечало требованиям количественного роста педагогического контингента, но не обеспечивало даже средний профессиональный и образовательный уровень преподавателей. Подготовка кадров осуществлялась и в высших педагогических учебных заведениях страны.

Рост школ в связи с введением всеобщего начального образования в области требовал большего количества педагогов с более высоким уровнем образования. Для того чтобы обеспечить растущую школьную сеть кадрами, в Сибири была расширена сеть специализированных техникумов и школ II ступени с педагогическим уклоном. В 1928 году в Улале было открыто педагогическое училище, при котором в летние и зимние каникулы проводились курсы для преподавателей. Первый выпуск учителей начальных классов состоялся в 1931 году – 20 человек, из которых 11 были алтайцами.

На основании вышеизложенного сформулируем вывод о том, что школа играла особую роль в формировании социалистической культуры и быта коренного населения Южной Сибири. Ее значение в данном регионе нельзя свести только к тому, что она давала знания и прививала элементарные нормы общественного и личного поведения учащихся в духе социалистической этики. Просветительское и воспитательное значение школы для коренных народов, особенно в первое десятилетие советской власти, неизмеримо больше. Семья как носительница традиций не могла в достаточной мере обеспечить воспитание в духе господствующей идеологии. Школа оказывала необходимое влияние на семью через учащихся, общественные организации, просветительскую работу учителя. И все же, несмотря на значительный рост сети школ в 1920-е годы, охват обучением детей алтайцев и шорцев был ниже, чем в целом по Сибири. Если в 1929/1930 учебном году в Сибирском крае на 10 тыс. жителей приходилось 782 учащихся, то среди алтайцев и шорцев соответственно 504 и 208 учащихся¹.

Обсуждение результатов

Изучение истории становления народного образования в Южной Сибири в 1920-е годы свидетельствует о том, что в данном регионе подготовка к введению всеобщего отличалась объемом работ, а впоследствии и сроками

¹ Итоги Всесоюзной переписи 15 декабря 1927 года и текущего обследования народного образования 1 декабря 1928 года в Сибирском крае. Барнаул: Красный Алтай, 1929. 190 с.

перехода к нему. Для создания советской системы образования в регионе необходимо было построить новые здания школ, уделить особое внимание подготовке учительских кадров и изданию учебников на родном языке для национальных учебных заведений.

В результате анализа архивных документов удалось восстановить картину создания системы образования коренных народов Южной Сибири в период новой экономической политики. Впервые авторами статьи рассмотрен вопрос о взаимодействии исполнительной власти на разных уровнях – российском, краевом и областном – в решении вопросов финансирования и планирования строительства школьных зданий исходя из финансовых возможностей региона.

Местные исполнительные органы власти, стремясь выполнить директивы центральных органов, исходя скорее из потребностей, чем из реальных финансовых возможностей, планировали построить школ намного больше, чем позволяли средства. Причинами такого «волюнтаристского» подхода являлись низкий уровень образования региональных управленческих кадров и их нехватка. Трудно согласиться с выводами Н. И. Кудирмековой [32], что строительство школ было обеспечено ассигнованиями общероссийского бюджета. По мнению авторов статьи, с ростом числа школ, переводом населения на оседлость, развитием кооперации значительную роль в формировании бюджета для обеспечения народного образования начинают играть местные фонды. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период помощь данных фондов была недостаточной.

К началу введения в стране всеобщего в регионе сложилась структура школьного образования, которая включала в себя не только школы I и II ступени, но и школы крестьянской молодежи. Охват детей был бы значительно ниже, если бы не были созданы интернаты и ночлежные пункты при школах. Количество интернатов увеличилось, однако качество содержания детей в них не улучшилось. Анализ финансирования, кадрового обеспечения интернатов свидетельствует о больших проблемах этих учреждений в части обеспечения детей питанием и организацией их самостоятельной работы во внеурочное время. Данные проблемы приводили к отсеву учащихся, к невыполнению планов по охвату образованием детей школьного возраста.

Работа национальной школы была невозможна без создания учебников и учебных пособий, для чего на протяжении всего десятилетия привлекались кадры, подготовленные ранее Алтайской миссией. Однако, следуя тенденциям советской исторической школы образования, исследователи тех лет, например, А. П. Беликова, Ф. Ф. Шамахов и др. [28–30], игнорируют эту особенность, хотя в 1920-е годы во многих регионах СССР в советские школы привлекались дореволюционные учительские кадры. В общем соста-

ве педагогов школ Южной Сибири прослойка учителей с дореволюционным образованием и стажем была незначительной в связи с небольшим их количеством и привлечением их для работы в государственных органах.

Заключение

Комплексный аналитический обзор историко-педагогической научной литературы, документальных источников, архивных материалов и статистических данных позволил авторам статьи сформулировать следующие выводы:

1. Решение задач модернизации современных национальных систем образования возможно лишь при глубоком изучении и использовании положительного опыта прошлых лет. Поэтому во все мире возрождается интерес исследователей к проблемам региональной истории образования. Изучение процесса развития и трансформации национальных систем образования на специфическом региональном материале, их сравнительно-сопоставительный анализ с источниками общегосударственного масштаба позволяют более глубоко раскрыть типологические и специфические характеристики системы образования в стране.

2. Смена власти в России в 1917 году привела к изменению структуры системы народного образования. В стране в 1920-е годы пристальное внимание уделялось становлению и развитию национальной школы. Школы, в которых дети обучались бы на родном языке, создание учебной литературы, подготовка педагогов из представителей коренных народов – эти вопросы были в фокусе внимания как центральных, так и местных органов власти. Изучая процесс развития школьной системы обучения коренных народов Южной Сибири, авторы статьи подчеркивают, что она подверглась тем же испытаниям, что и в целом по стране. После снижения количества школ и учащихся в связи с введением НЭПа, сокращением финансирования и переводом образовательных учреждений в местный бюджет наступил период роста количества школ и учащихся, особенно I ступени. Причинами этого стали восстановление экономики и принятие решения о введении всеобщего начального обучения.

3. Процесс формирования системы национальных школ был сложным и противоречивым, в полной мере вобравшим в себя и бесспорные достижения, и серьезные ошибки, просчеты. Региональный опыт становления советской школы, имеющий несомненную значимость, нельзя оценивать однозначно положительно либо отрицательно.

4. Результаты исследования показали, что изучаемый период оказался ключевым для становления советской системы образования на региональ-

ном уровне. Социально-экономические, педагогические, организационно-управленческие факторы легли в основу выделения двух этапов развития системы начального образования коренных народов юга Сибири в 1920-е годы. Показано, что траектория поэтапного становления и совершенствования образовательной сферы на территории республики обусловлена общими законами развития социальных структур. Несмотря на определенную специфику, обнаруженные тенденции в области регионального образования вполне соотносятся с общероссийскими процессами.

5. Особенности становления и развития национальной школы в 1920-е годы в регионе были определены природно-географическими условиями, социокультурным, религиозным, языковым и этническим многообразием. Более того, они были обусловлены более поздним установлением на данной территории советской власти, заметной экономической и культурной отсталостью края по сравнению с промышленными регионами страны, национальной неоднородностью населения, проведению в конце 1920-х – начале 1930-х годов коллективизации сельского хозяйства и перевода коренного населения на оседлость.

6. Обширность территории, ее удаленность от центра, труднодоступность населенных пунктов, низкая плотность населения, отсутствие связи, транспортных сообщений, сложные природно-климатические условия, слабая материальная база, нехватка педагогических кадров и учебной литературы также были специфическими особенностями, которые способствовали снижению темпов развития национальной школы.

7. Народы Южной Сибири, объединенные в территориальные рамки автономной области, решая вопросы подготовки к введению всеобщего образования, стремились следовать указаниям центра, не всегда учитывая региональные особенности. В силу природно-географических условий, культурных традиций в рассматриваемый период в основном создавались и функционировали школы I ступени. Процессы коренизации и перевода местного населения на оседлость сказались на результатах решения вопроса обучения детей и взрослых региона, т. к. необходимо было значительно большее финансирование. Такие факторы, как бедность населения, короткий учебный год, низкий профессиональный уровень учителей, нехватка учебной литературы на национальном языке малочисленных народов, способствовали тому, что численность коренного населения, охваченного обучением, существенно отставала от среднесибирского показателя¹.

¹ И сегодня с учетом природно-географических, национальных особенностей и в соответствии с региональной политикой в Республике Алтай в сельской местности сохраняется значительное число малокомплектных школ.

8. Несмотря на трудности, к началу 1930-х годов в регионе была создана сеть школьных учреждений, которая позволила повысить процент грамотных среди подростков и впоследствии охватить начальным образованием детей школьного возраста. За десятилетие была проделана значительная работа по подготовке педагогических кадров для национальных школ и учителей на родном языке, что способствовало внедрению всеобщего в регионе.

9. Положительным в национальной образовательной политике государства в 1920-е годы являлось то, что она была направлена на учет разнообразия и неповторимости национальных культур, различий типов национальных школ, их специфических особенностей. Обращение к историческому опыту позволит успешнее решать не только конкретные проблемы системы национального образования в современной России, но и в целом осмысливать перспективы развития данной сферы в постиндустриальную эпоху.

В заключение необходимо подчеркнуть, что представленное историко-педагогическое исследование вносит свой посильный вклад в расширение источниковедческой базы по данной проблематике. Впервые в целостном виде представлен генезис начального образования на региональном (территория Южной Сибири) уровне в 1920-е годы: от восстановления сети учебных заведений в период новой экономической политики до подготовки к введению всеобщего начального образования. Впервые авторами статьи рассмотрен вопрос о взаимодействии исполнительной власти на разных уровнях – российском, краевом и областном – в решении вопросов финансирования и планирования строительства школьных зданий. Вместе с тем результаты проведенного исследования не стоит рассматривать как конечные. Предпринятый теоретический и практический анализ позволяет продолжить изучение истории национальной школы, специфики ее развития в последующие периоды.

Список использованных источников

1. Сокольская А. В., Валентонис А. С. Генезис понятия «аккультурация» в истории научного дискурса XIX–XXI вв. // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 212–229. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.67.30843
2. Аксенова А. Н. Образование Горного Алтая в годы гражданской войны // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): сборник материалов международной научно-практической конференции 22–24 мая 2017 г. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017. С. 88–95.
3. Сокольская А. В. Аккультурация коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. 2014. Т. 2, № 1 (1). С. 20–24.

4. Валитов А. А. Образовательная деятельность православной церкви в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // *Образование и наука*. 2014. № 1 (2). С. 98–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-2-98-112
5. Голикова С. В. Сотрудничество министерства народного просвещения и органов самоуправления Пермской губернии в период «подготовительных работ по введению всеобщего обучения» // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 1. С. 188–205. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-188-205
6. Аксенова Л. Н. Роль населения Алтая в развитии школьного образования в XIX–начале XX вв. // *Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура*. Барнаул: БНУ РА Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 116–124.
7. Deschepper J. Between future and eternity: a Soviet conception of heritage // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. № 25 (5). P. 491–506. DOI: 10.1080/13527258.2018.1467949
8. Kaser M. Resources for Russian education: Soviet strategies in historical context // *Journal of the History of Education Society*. 2006. № 35 (4–5). P. 561–583. DOI: 10.1080/00467600600715307
9. Kaplan V. A Dress Rehearsal for Cultural Revolution: Bolshevik Policy towards Teachers and Education between February and October 1917 // *Journal of the History of Education Society*. 2006. № 35 (4–5). P. 427–452. DOI: 10.1080/00467600600714755
10. Sumpf A. Confronting the Countryside: The Training of Political Educators in 1920s Russia // *Journal of the History of Education Society*. 2006. № 35 (4–5). P. 475–498. DOI: 10.1080/00467600600714813
11. Byford A., Jones P. Policies and Practices of Transition in Soviet Education from the Revolution to the End of Stalinism // *Journal of the History of Education Society*. 2006. № 35 (4–5). P. 419–426. DOI: 10.1080/00467600600713070
12. Smith J. *Red Nations: The Nationalities Experience in and after the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 293 p.
13. Smith J. The Education of National Minorities: The Early Soviet Experience // *The Slavonic and East European Review*. 1997. № 75 (2). P. 281–307. Available from: <https://www.jstor.org/stable/4212365> (date of access: 23.04.2020).
14. Smith J. Was there a Soviet national policy? // *Europe-Asia Studies*. 2019. № 71 (6). P. 972–993. DOI: 10.1017/CBO9781139047746.004
15. Bartels D., Bartels A. *When the North Was Red: Aboriginal Education in Soviet Siberia*. Montreal-Quebec: McGill-Queen's University Press, JSTOR. 1995. 160 p. Available from: www.jstor.org/stable/j.ctt810nk.8 (date of access: 02.11.2019).
16. Bartels D., Bartels A. Indigenous Peoples of the Russian North and Cold War Ideology // *Anthropologica*. 2006. № 48 (2). P. 265–279. DOI:10.2307/25605315
17. Dallmann W. K. Indigenous peoples of the Russian North // *ANSIPRA*. Available from: https://ansipra.npolar.no/english/items/Russ_north.html (date of access: 02.11.2019).
18. Ewing T. Ethnicity at School: “Non-Russian” Education in the Soviet Union during the 1930s // *Journal of the History of Education Society*. 2006. № 35 (4–5). P. 499–519. DOI: 10.1080/00467600600715018
19. Ewing T. A precarious position of power: Soviet school directors in the 1930s // *Journal of Educational Administration and History*. 2009. № 41 (3). P. 253–266. DOI: 10.1080/00220620903072154

20. Гордиенко П. Ойротия. Горно-Алтайск: Издательство «Ак-Чечек», 1994. 142 с.
21. Мамет А. П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны в Горном Алтае. Горно-Алтайск: Издательство «Ак-Чечек», 1994. 184 с.
22. Потапов А. П. Очерки по истории алтайцев. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. 444 с.
23. Иванов П. Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири в 1920–1925 гг. // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 83–104.
24. Тимофеева Ф. М. Из истории социалистической культурной революции в Горном Алтае // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 170–184.
25. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1917–1941 гг. / Отв. ред. Н. П. Кузин и др. Москва: Педагогика, 1980. 456 с.
26. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирск: Издательство Томского университета, 1957. 271 с.
27. Шамахов Ф. Ф., Окладников И. С., Войтик П. Д. Школа Западной Сибири за 50 лет советской власти. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический институт, 1970. 540 с.
28. Шамахов Ф. Ф. Из истории сибирской школы (1917–1931 гг.). Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический институт, 1976. 150 с.
29. Беликова А. П. Становление и развитие советской общеобразовательной школы в Горном Алтае (1920–1933) // Советская педагогика. 1983. № 7. С. 113–116.
30. Беликова А. П. Очерки истории общего и педагогического образования в Республике Алтай (XIX – начало XXI вв.): учебное пособие для студентов вуза. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2007. 180 с.
31. Ключникова М. Ю. История становления и развития всеобщего начального образования в Республике Алтай (XIX – начало XXI вв.): учебное пособие. Горно-Алтайск, 2000. 164 с.
32. Кудирмекова Н. И. Становление и развитие алтайской национальной школы (1917–1958 гг.). Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2008. 180 с.
33. Копытов Н. Ф. История народного образования. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство «Юч-Сюмер», 1994. 168 с.
34. Екеев Н. В. Этнокультурное развитие народов Горного Алтая // Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XIX – начало XXI веков). Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 16–40.
35. Гончарова О. А. История Горного Алтая: учебное пособие. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2014. 480 с.
36. Екеева Н. М. Горный Алтай в 1921–1929 г. // История Горного Алтая. Ч. II. Горный Алтай в 1917–1940 гг. Горно-Алтайск, 1995. 226 с.
37. Варченко А. М. К истории народного образования в Горно-Алтайской автономной области // Ученые записки Горно-Алтайского ГПИ. Горно-Алтайск, 1956. Вып. 1. С. 78–90.

References

1. Sokolskaya L. V., Valentonis A. S. The genesis of the concept of “acculturation” in the history of the scientific discourse of the XIX–XXI centuries. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*. 2019; 67: 212–229. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.67.30843 (In Russ.)
2. Aksenova L. N. Education of Altai Mountains during the Civil War. In: *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitaj)*. *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 22-24 maya 2017 g.* Gorno-Altajsk = *History and Culture of the Peoples of South-West Siberia and Neighboring Regions (Kazakhstan, Mongolia, China)*. *Collection of Materials of an International Scientific and Practical Conference*; 2017 May 22–24; Gorno-Altajsk. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajsk State University; 2017. p. 88–95. (In Russ.)
3. Sokolskaya L. V. Acculturation of the indigenous peoples of the Far North, Siberia and the Far East. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Istoriya, filosofiya, politologiya, pravo = Bulletin of the Moscow State Regional Humanitarian Institute. Series: History, Philosophy, Political Science, Law*. 2014; 2 (1): 20–24. (In Russ.)
4. Valitov A. A. Educational activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the late 19th and early 20th centuries. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2014; 1 (2): 98–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-2-98-112 (In Russ.)
5. Golikova S. V. Cooperation between the ministry of National Education and local self-government bodies of the perm province during the period “preparatory work for the compulsory education introduction”. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018; 20 (1): 188–205. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-188-205 (In Russ.)
6. Aksenova L. N. Rol' naselenija Altaja v razvitii shkol'nogo obrazovanija v XIX–nachale XX vv. = The role of the Altai population in the development of school education in the 19th–early 20th centuries. In: *Altaj – Zapadnaya Sibir' v XIX – nachale XX vv.: naselenie, hozyajstvo, kul'tura = Altai – Western Siberia in the 19th – early 20th centuries: Population, economy, culture*. Barnaul: BNU RA Research Institute of Altai Studies named after S. S. Surazakova; 2018. p. 116–124. (In Russ.)
7. Deschepper J. Between future and eternity: A Soviet conception of heritage. *International Journal of Heritage Studies*. 2019; 25 (5): 491–506. DOI: 10.1080/13527258.2018.1467949
8. Kaser M. Resources for Russian education: Soviet strategies in historical context. *Journal of the History of Education Society*. 2006; 35 (4–5): 561–583. DOI: 10.1080/00467600600715307
9. Kaplan V. A Dress rehearsal for Cultural Revolution: Bolshevik Policy towards teachers and education between February and October 1917. *Journal of the History of Education Society*. 2006; 35 (4–5): 427–452. DOI: 10.1080/00467600600714755
10. Sumpf A. Confronting the countryside: The training of political educators in 1920s Russia. *Journal of the History of Education Society*. 2006; 35 (4–5): 475–498. DOI: 10.1080/00467600600714813
11. Byford A., Jones P. Policies and practices of transition in Soviet education from the revolution to the end of Stalinism. *Journal of the History of Education Society*. 2006; 35 (4–5): 419–426. DOI: 10.1080/00467600600713070
12. Smith J. *Red Nations: The nationalities experience in and after the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. 293 p.
13. Smith J. The Education of national minorities: The early Soviet experience. *The Slavonic and East European Review* [Internet]. 1997 [cited 2020 Apr 23]; 75 (2): 281–307. Available from: <https://www.jstor.org/stable/4212365>.

14. Smith J. Was there a Soviet national policy? *Europe – Asia Studies*. 2019; 71 (6): 972–993. DOI: 10.1017/CBO9781139047746.004
15. Bartels D., Bartels A. When the North was red: Aboriginal education in Soviet Siberia [Internet]. Montreal-Quebec: McGill-Queen's University Press, JSTOR; 1995 [cited 2019 Nov 02]. 160 p. Available from: www.jstor.org/stable/j.ctt810nk.8.
16. Bartels D., Bartels A. Indigenous peoples of the Russian North and Cold War ideology. *Anthropologica*. 2006; 48 (2): 265–279. DOI: 10.2307/25605315
17. Winfried K. Dallmann. Indigenous peoples of the Russian North [Internet]. ANSIPRA. [cited 2020 Apr 23]; Available from: https://ansipra.npolar.no/english/items/Russ_north.html.
18. Ewing T. Ethnicity at school: “Non-Russian” education in the Soviet Union during the 1930s. *Journal of the History of Education Society*. 2006; 35 (4–5): 499–519. DOI: 10.1080/00467600600715018
19. Ewing T. A precarious position of power: Soviet school directors in the 1930s. *Journal of Educational Administration and History*. 2009; 41 (3): 253–266. DOI: 10.1080/00220620903072154
20. Gordienko P. Ojrotija = Ojrotia. Gorno-Altajsk: Publishing House “Ak-Chechek”; 1994. 142 p. (In Russ.)
21. Mamet L. P. Ojrotija. Oчерк nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija i grazhdanskoj vojny v Gornom Altae = Ojrotia. Essay on the national liberation movement and civil war in the Altai Mountains. Gorno-Altajsk: Publishing House “Ak-Chechek”; 1994. 184 p. (In Russ.)
22. Potapov L. P. Oчерki po istorii altajcev = Essays on the history of Altai. Moscow – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1953. 444 p. (In Russ.)
23. Ivanov P. N. Razvitie kul'tury nerusskih narodov Sibiri v 1920–1925 gg. = The development of the culture of non-Russian peoples of Siberia in 1920–1925. In: *Kul'turnoe stroitel'stvo v Sibiri v 1917–1960 gg.* = *Cultural construction in Siberia in 1917–1960*. Novosibirsk; 1962. p. 83–104. (In Russ.)
24. Timofeeva F. M. Iz istorii socialisticheskoj kul'turnoj revoljucii v Gornom Altae = From the history of the socialist cultural revolution in the Altai Mountains. In: *Kul'turnoe stroitel'stvo v Sibiri v 1917–1960 gg.* = *Cultural construction in Siberia in 1917–1960*. Novosibirsk; 1962. p. 170–184. (In Russ.)
25. Oчерki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR, 1917–1941 gg. = Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, 1917–1941. Executive ed. N. P. Kuzin. Moscow: Publishing House “Pedagogika”; 1980. 456 p. (In Russ.)
26. Shamakhov F. F. Shkola Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX vv. = School of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. Novosibirsk: Tomsk University Publishing House; 1957. 271 p. (In Russ.)
27. Shamakhov F. F., Okladnikov I. S., Voytik P. D. Shkola Zapadnoj Sibiri za 50 let Sovetskoy vlasti = School of Western Siberia for 50 years of Soviet power. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute; 1970. 540 p. (In Russ.)
28. Shamakhov F. F. Iz istorii sibirskoj shkoly (1917–1931 gg.) = From the history of the Siberian school (1917–1931). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute; 1976. 150 p. (In Russ.)
29. Belikova A. P. The formation and development of the Soviet comprehensive school in the Altai Mountains (1920–1933). *Sovetskaya pedagogika* = *Soviet Pedagogy*. 1983; 7: 113–116. (In Russ.)
30. Belikova A. P. Oчерki istorii obshhego i pedagogicheskogo obrazovaniya v Respublike Altaj (XIX – nachalo XXI vv.) = Essays on the history of general and teacher education in

the Republic of Altai (XIX – beginning of XXI centuries). Gorno-Altai: Printing and Publication Department of the Gorno-Altai State University; 2007. 180 p. (In Russ.)

31. Klyuchnikova M. Yu. Istorija stanovlenija i razvitija vseobshhego nachal'nogo obrazovanija v Respublike Altaj (XIX – nachalo XXI vv.) = The history of the formation and development of universal primary education in the Republic of Altai (XIX – beginning of XXI centuries). Gorno-Altai; 2000. 164 p. (In Russ.)

32. Kudirmekova N. I. Stanovlenie i razvitie altajskoj nacional'noj shkoly (1917–1958 gg.) = The formation and development of the Altai national school (1917–1958 gg.). Gorno-Altai: Printing and Publication Department of the Gorno-Altai State University; 2008. 180 p. (In Russ.)

33. Kopytov N. F. Istorija narodnogo obrazovanija = The history of public education. Gorno-Altai: Gorno-Altai Book Publishing House Yuch-Sumer; 1994. 168 p. (In Russ.)

34. Ekeeva N. V. Jetnokul'turnoe razvitie narodov Gornogo Altaja = Ethnocultural development of the peoples of the Altai Mountains. In: *Transformacii v obshchestve i cennosti tradicionnoj kul'tury v Respublike Altaj (koniec XIX – nachalo XXI vekov)* = *Transformations in society and the values of traditional culture in the Republic of Altai (late XIX – early XXI centuries)*. Gorno-Altai: Budgetary Scientific Institution of the Republic of Altai Research Institute of Altai Studies named after S. S. Surazakov; 2018. p. 16–40. (In Russ.)

35. Goncharova O. A. Istorija Gornogo Altaja = History of the Altai Mountains. Gorno-Altai: Printing and Publication Department of the Gorno-Altai State University; 2014. 480 p. (In Russ.)

36. Ekeeva N. M. Gornyj Altaj v 1921–1929 g. = Gorny Altai in 1921–1929. In: *Istoriya Gornogo Altaja*. CH. II. Gornyj Altaj v 1917–1940 gg. = History of Gorny Altai. Part II. Gorny Altai in 1917–1940. Gorno-Altai; 1995. 226 p. (In Russ.)

37. Varchenko A. M. On the history of public education in the Gorno-Altai Autonomous Region. *Uchenye zapiski GAGPI* = *Scientific Notes of the Gorno-Altai State Pedagogical Institute*. Gorno-Altai: Gorno-Altai Book Publishing House. 1956; 1: 78–90. (In Russ.)

Информация об авторах:

Аксенова Любовь Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета; ORCID 0000-0003-1091-6701; Орехово-Зуево, Россия. E-mail: aksyonova04@inbox.ru

Сокольская Людмила Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Государственного гуманитарно-технологического университета; ORCID 0000-0002-8419-007X; Орехово-Зуево, Россия. E-mail: cokol4512@yandex.ru

Валентонис Артур Станислович – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Государственного гуманитарно-технологического университета; ORCID 0000-0002-8212-7157; Орехово-Зуево, Россия. E-mail: candydad7@gmail.com

Щербинина Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Государственного гуманитарно-технологического университета; ORCID 0000-0001-9862-3318; Орехово-Зуево, Россия. E-mail: ircha8099@mail.ru

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.04.2020; принята в печать 09.12.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Lyubov N. Aksenova – Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Department of History and Humanities, State Humanitarian and Technological University; ORCID 0000-0003-1091-6701; Orekhovo-Zuevo, Russia. E-mail: aksyonova04@inbox.ru

Lyudmila V. Sokolskaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, State Humanitarian and Technological University; ORCID 0000-0002-8419-007X; Orekhovo-Zuevo, Russia. E-mail: cokol4512@yandex.ru

Arturas S. Valentonis – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Law, State Humanitarian and Technological University; ORCID 0000-0002-8212-7157; Orekhovo-Zuevo, Russia. E-mail: candydad7@gmail.com

Irina V. Shcherbinina – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, State Humanitarian and Technological University; ORCID 0000-0001-9862-3318; Orekhovo-Zuevo, Russia. E-mail: ircha8099@mail.ru

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the present research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest

Received 28.04.2020; accepted for publication 09.12.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.